

ДОКУМЕНТЫ ПУШКАРСКОГО ПРИКАЗА ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ ВЕСТОВЫХ КОЛОКОЛОВ НА МОСКОВСКОМ ПУШЕЧНОМ ДВОРЕ В XVII ВЕКЕ

Главным производственным заведением Российского государства, в котором в XVI-XVII вв. осуществлялась отливка колоколов, был находящийся в ведении Пушкарского приказа московский Пушечный двор. Самое раннее упоминание о нем датируется 1525 г. и связано с постройкой Китай-городской стены и ее башен: «...да другую стрельницу ворота Троицкие с тою же улицы к Пушечному двору»¹. Это летописное известие уточняет местоположение завода в пределах Белого города в направлении от Троицких (иначе Неглинских. - А. Б.) ворот.

На стабильное нахождение Пушечного двора в течение двух столетий на реке Неглинной около «Трубы» указывает целый ряд источников XVI - XVII вв. Так, под 1547 годом летописец, рассказывая о пожаре в Москве, сообщает, что «погорели за городом большой посад возле Неглимиу, Пушечный двор, храм... Иоакима и Анны, Рождественская улица и монастырь Рождественской»². По свидетельству немца Г. Штадена³, находившегося на русской службе в середине XVI в., сгоревший Пушечный двор вскоре был восстановлен. В своих записках Г. Штаден отмечает, что в городе есть «заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки»⁴. Уцелев в пожаре 1591 г.⁵, Пушечный двор продолжал активно работать. Так, шведский дипломат Петр Петрей⁶, бывигий в Москве в 1617 г., пишет: «При реке же Неглинной, протекающей в городе, стоит и великокняжеская литейная, где льют большие орудия и колокола»⁷. Дважды посещавший Московию в 1630-х гг. А. Олеарий⁸ повествует: «Здесь же находится литейный завод, а именно в местности, которую они называют Поганым бродом, на реке Неглинной; здесь они льют много металлических орудий и больших колоколов»⁹. Это же подчеркивал в 1688-1670 гг. голландский путешественник Й. Стрюйс¹⁰: «На реке Неглинной, у его величества большой литейный завод для литья пушек и колоколов»¹¹, а также его соотечественник, посол в России в 1675 г., Ван-Кленк¹²: «У его величества здесь (в Белом городе. - А. Б.) литейный завод для пушек и колоколов, которые отливаются в большом числе». Кроме того, чешский путешественник Б. Таннер¹⁴ в 1678 г. пишет: «Близ реки Неглинной стоит большой литейный завод, где льют колокола и пушки»¹⁵. Повышенное внимание иностранцев к московскому Пушечному двору объясняется, прежде всего, их интересом к военному потенциалу

России, поскольку артиллерия в то время играла решающую роль, как в обороноспособности государства, так и при наступательных действиях русской армии.

В XVII в. Пушечный двор занимал уже значительную территорию. Как указывала исследовательница Пушкарского приказа А. П. Лебедянская, ссылаясь на беседу с П. В. Сытыным¹⁶, находился он «между Театральным проездом и Пушечной улицей, Неглинной и Рождественкой. Только дома, ныне выходящие в Театральный проезд, не были в составе Пушечного двора, а на их месте был проезд между Пушечным двором и рвом Китай-города»¹⁷. Во второй половине XVII в. площадь Пушечного двора составляла 13 686 м² (1,37 га). В 1670-х гг., когда из Кремля на территорию завода был переведен Пушкарский приказ, для которого было построено специальное здание с отдельными воротами, территория Пушечного двора увеличилась к востоку до нынешнего Лубянского проезда¹⁸.

Мощность главного литейного предприятия страны позволяла отливать колокола различного размера, удовлетворяя тем самым потребности многочисленных церквей и монастырей России. Изготовление колоколов на московском Пушечном дворе являлось обязанностью колокольных мастеров. Однако до второй половины XVII в. литье колоколов и артиллерийских орудий зачастую осуществлялось одними и теми же литейщиками. Хотя в документации Пушкарского приказа и существовало разделение на колокольных и пушечных мастеров, на практике пушечные литцы в случае необходимости привлекались к отливке колоколов, а колокольные - пушек. Этим вызвана определенная трудность в классификации русских литейщиков XVII в. Однако главной проблемой в изучении истории отечественного колоколо-литейного искусства является безвозвратная утрата большинства архивных материалов, в которых фиксировались разные стороны деятельности московского Пушечного двора.

Первая катастрофа произошла в 1626 г., когда в Москве случился сильный пожар и пламя уничтожило все находившиеся в Кремле приказные архивы. Описывая нанесенные огнем потери, летописцы отмечали, что «в приказах всякие дела погореша»¹⁹, «безчисленно много выгорело и все без остатку»²⁰, поэтому акты, датированные до этого события, - большая редкость. Если некоторые документы и восходят к концу XVI в., то дают слишком скудные и мимолетные сведения.

Ввиду названного трагического события, практически все сохранившиеся документы Пушкарского приказа датируются не ранее 1626 г. Однако и эти материалы дошли до нас далеко не полностью. Тщательно и скрупулезно ведущаяся дьяками приказа документация после основания в начале XVIII в. Литейного двора в Санкт-Петербурге, в 1709 г. была передана в кладовую палату на московский Пушечный двор. Условия хранения там оказались очень плохими, в 1716 г. инспекторы доносили, что многие дела «погнили и разобрать невозможно»²¹. В течение XVIII в. сложенный как

попало архив Приказа использовался Канцелярией Главной артиллерии и фортификации для разных справок. Так, в 1756 г. Канцелярия захотела узнать историю золоченых парадных пищалей; покопавшись в архиве, архивариусы нашли ответ в «приходной книге меди, олова и железу 198 (1690 г. - А. Б.) году»²².

Вторая невосполнимая утрата большого числа архивных материалов произошла в 1812 г., когда французы, выступая из Москвы, взорвали некоторые из зданий и башен Кремля. В одном из них, Арсенале, хранились дела Пушкарского приказа, относящиеся к работе московского Пушечного двора. А. П. Лебедевская в своей диссертации приводит слова очевидца гибели Московского архива, который видел «между взорванной угловой башней (Угловой Арсенальной. - А. Б.) и Троицкими воротами с верхней части Кремлевской стены текущую беловато-серую волнующуюся массу, которая в виде водопада с необыкновенным шумом низвергалась в бывший в то время ров... оказалось, что воображаемый водопад был ничто иное, как исписанная бумага, выброшенная неприятелем из разных кремлевских архивов»²³.

Архивариусы всю зиму переносили дела из рва в помещения. Сначала намокшие, затем смержшиеся и от долгого лежания в таких условиях слипшиеся, они были на первых порах недоступны ни для какого разбора. Многие дела и вовсе не вернулись в помещения, так как были расхищены или распроданы на рынках в качестве оберточной бумаги. Некоторые из них впоследствии попали в частные собрания графов Н. П. Румянцева, Ф. А. Толстого, С. С. и А. С. Уваровых, С. Д. Шереметева, М. П. Погодина, купца-собираателя И. Н. Царского и других. В 1832 г. известный археограф П. М. Строев спас остатки архива Пушкарского приказа для русской науки во время своей «Археографической экспедиции»²⁴.

Состояние остатков архива Пушкарского приказа описал академик И. Х. Гамель, который первым получил доступ к их обследованию в 20-х гг. XIX в. Он свидетельствует: «Собранные ж остальные положены в кладовую без малейшего порядка, так что я должен был пересмотреть бумаги сии по листочкам»²⁵. Эти документы, сложенные И. Х. Гамелем в четыре ящика, в 1863 г. были переданы в Главное Артиллерийское Управление²⁶.

В 1870 г. зав. Санкт-Петербургским Артиллерийским музеем, капитан Н. Е. Бранденбург, получил задание разобраться в этих документах. Он обнаружил, что два ящика пропали²⁷, а книги и документы из двух других были отправлены в Арсенал для переработки в «пап-ковую массу»²⁸. Однако благодаря неутомимой деятельности Н. Е. Бранденбурга некоторое количество документов Пушкарского приказа все же было спасено²⁹. В 1885 г. из архива Московского Окружного артиллерийского склада в Артиллерийский музей были переданы обнаруженные там «некоторые книги и свитки», касающиеся деятельности московского Пушечного двора³⁰. В 1939 г. материалы эти были значительно пополнены за счет

поступлений из Ленинградского отделения Института истории АН СССР³¹.

К началу XX в. часть материалов Пушкарского архива из некоторых частных собраний вернулась в другие государственные хранилища. Но и сохранившаяся часть документов, относящихся к работе Пушечного двора, до сих пор еще не подверглась всестороннему систематическому изучению, хотя документы некоторых из них были в разное время описаны³². В настоящее время материалы Пушкарского приказа находятся в семи различных местах. В четырех архивах Санкт-Петербурга: Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС), Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН (СПбФИРИ РАН), Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГАВМФ), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ ОР) и в трех архивах Москвы: отделе рукописей Государственного Исторического музея (ГИМ ОР), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ ОР).

Выбор темы настоящей публикации вызван двумя причинами. Во-первых, тем обстоятельством, что вестовые колокола как специфический атрибут городов-крепостей Российского государства конца XVI-XVII вв. никогда ранее не привлекали внимание исследователей. Этот вопрос был затронут лишь автором настоящей статьи, да и то вскользь, в кандидатской диссертации³³, а затем в монографии³⁴. Во-вторых, введение в научный оборот отобранных документов позволит опровергнуть заключение В. А. Кондрашиной о том, что с 1652 по 1682 гг. производство колоколов на московском Пушечном дворе не осуществлялось, большие колокола отливали на местах, а малые - в собственных дворах мастеров. Причиной этого исследователь московской школы колокольного литья второй половины XVII в. считает войну с Речью Посполитой, во время которой Пушечный двор якобы «использовался исключительно как «военно-промышленный комплекс»³⁵. Такой вывод В. А. Кондрашина сделала на основе обнаруженного в делах канцелярии Синода документа, в котором говорится следующее: «Со 160 [1652] июня 26 по 194 [1682] г. великого государя в казне на Пушечном дворе новых готовых колоколов и колокольной меди не было, а колоколов на Пушечном дворе не лито»³⁶. Обращает на себя внимание, что документ датирован даже не XVII в., а 1742 г., когда со времени указанных в нем дат прошло уже почти целое столетие. Кроме того, автор настоящей публикации полагает, что на основе использования всего одного и, к тому же, более позднего источника делать какие-либо выводы, по крайней мере, преждевременно. Тем паче, сохранившиеся документы Пушкарского приказа, датируемые второй половиной XVII в., из которых для данной публикации было отобрано десять, неопровержимо доказывают, что по крайней мере в 1650-1660-х гг. отливка колоколов на московском Пушечном дворе не только не прекращалась, но производилась весьма интенсивно.

Вынесенная в заголовок статьи тема наибольшее отражение нашла в столбцах Пушкарского приказа, хранящихся в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Ф. 1, Пушкарский приказ). Фонд содержит книги и документы, направленные как «снизу» («отписки», «росписи», «сказки» мастеров и др.), так и «сверху» («грамоты», «наказы», «указные памяти» и др.), относящиеся к периоду с 1628 по 1701 гг. Непосредственно колокольной тематике посвящено около 50 дел, никогда ранее не издававшихся. Настоящая публикация вводит в научный оборот 10 документов из этого комплекса, в которых с разной степенью полноты отражено производство на московском Пушечном дворе в 50-60-х гг. XVII в. *вестовых* колоколов. Название это, происходящее от слова «вещать», фигурирует в сохранившихся документах Пушкарского приказа 1620-1660-х гг. Тем не менее, есть все основания полагать, что выделение из общей массы отливаемых на Пушечном дворе колоколов совершенно особой группы, под названием вестовых, которые должны были выполнять определенную функцию, по всей видимости, следует относить к гораздо более раннему времени.

Истоки следует искать в предыдущем столетии, когда началось формирование групп городов, где ставились гарнизоны и осадные полки для защиты пограничных областей от нападений воинственных соседей. Одним из первых был «Береговой разряд»³⁷, линия городов-крепостей по берегу реки Оки, с центром в Серпухове, на которые опирались войска для борьбы с нашествиями крымских и ногайских татар.

Самым удобным способом одновременного оповещения о чем-либо максимального количества людей издревле был сигнал колокола, слышимый на большом расстоянии. Однако колокола на Руси, прежде всего, выполняли сакральную функцию, являясь неотъемлемой частью православного богослужения. Поэтому необходимо было разграничить колокольный звон, призывавший в храм, и звон, сообщавший о необходимости сбора служилой части городского населения. Известно, что в ряде русских городов начиная с XII в. и вплоть до начала XVI в. существовали особые *вечевые* колокола, звавшие горожан на вечевые собрания. Однако в процессе проводимой московскими великими князьями политики, целью которой была централизация российского государства, все они были ликвидированы.

Удобство использования колокола как самобытного средства массовой информации заставило возродить древнюю традицию, правда, внося в нее некоторые коррективы. Отныне специальные колокола, получившие название *вестовые*, должны были стать принадлежностью всех городов-крепостей российского государства и при первой необходимости поднимать в ружье их гарнизоны.

Тем не менее, хорошо известно, что в отечественных письменных источниках начиная с конца XVI в. фигурируют также *набатные* ко-

локола, которые по существу вполне могли выполнять те же самые функции, что и вестовые. Причем порой в одном и том же документе упоминаются и те, и другие. Отсюда возникает целый ряд закономерных вопросов: существовало ли между этими колоколами какое-либо различие? Если да, то в чем оно состояло и было ли принципиальным? Если же нет, почему на протяжении всего XVII в. сохранившиеся источники содержат сведения об отливке как вестовых, так и набатных колоколов?

Ответить на поставленные вопросы поможет самый ранний из известных документов, в котором впервые упоминаются вестовые колокола и по счастливой случайности одновременно говорится о набатном колоколе. Это датированная 5 марта 1621 г. *память* на выдачу государева жалованья пушечным и колокольным литцам Алексею Якимову, Игнатию Максиму и Кириллу Самойлову, опубликованная И. Е. Забелиным в «Дополнениях к "дворцовым разрядам"»³⁸.

Приведем фрагмент документа: «...А пожаловал государь их за то, что... Игнатий (Максимов. - А. В.) вылил колокол... набатной к Тай-ницким воротам да пять колоколов вестовых в разные города...». Таким образом, налицо четкое разграничение вестовых и набатных колоколов. Совершенно определенно говорится, что вестовые колокола были отлиты в разные города, а набатный колокол был отлит к Тай-ницким воротам, то есть в город Москву, для одной из башен, охраняющих въезд в Кремль. Действительно, сохранившиеся источники не содержат сведений о вестовых колоколах в Москве, о набатных же упоминают довольно часто³⁹.

Согласно документальным материалам XVII в. набатные колокола висели с трех сторон Московского Кремля: по направлению к Китай-городу был расположен Спасский набат, второй колокол, к Замоскворечью, находился на Тайницкой башне, и третий, к Занеглименью, — на Троицких воротах. На плане Московского Кремля «Кремленш-рад»⁴⁰ под № 1 и 13 изображены соответственно Фроловские (ныне Спасские. - А. Б.) и Тайницкие ворота, под шатрами которых висит по колоколу. Несколько левее Фроловских ворот находится небольшая Царская башня, где хорошо виден еще один колокол. Одна из кремлевских башен до сих пор носит название Набатной, а в Оружейной палате Московского Кремля хранится набатный колокол, отлитый в 1714 г. мастером Иваном Федоровичем Моториным.

Набатный звон отмечал много важных для города событий. Он созывал на оборону Москвы от врага, во время Стрелецкого бунта в 1682 г. по сказанию очевидца Сильвестра Медведева: «Биша в колокола набатные по всему Кремлю»⁴¹. В 1668 г. царь Алексей Михайлович издал специальный указ, в котором предписал определенный набатный звон на случай пожара в разных частях города. В нем были даны регламентации звонарям, позволяющие москвичам легко определить, в каком районе горит. Таким образом, набатный звон стал уже не просто сигналом сбора на тушение пожара, а информировал население о том, какая часть города в опасности:

«...буде загорится в Кремле городе в котором месте нибудь, и в тое пору бить во все три набата в оба края поскорю А будет загорится в Китае в котором месте нибудь, и в тое пору бить в один Спасский набат в один край скоро же. А будет загорится в Белом городе от Тверских ворот по правой стороне где-нибудь до Москвы-реки, и в тое пору бить в Спасский же набат в оба ж края потише»⁴². Для Земляного города нужно было бить в набат на Тайницкой башне «тихим обычаем», причем уточнялось, что «бить развалом с расстановкою».

Исходя из анализа дошедших до нас документальных свидетельств, и в том числе указа царя Алексея Михайловича, напрашивается вывод, что набатные колокола, по крайней мере, в XVII в. были принадлежностью «царствующего града Москвы». Что касается вестовых колоколов, надо полагать, они были специфическим атрибутом именно городов-крепостей российского государства. Это подтверждается всем комплексом дошедших до нас письменных памятников, в которых, так или иначе, упоминаются вестовые или набатные колокола.

Хотя таких памятников совсем немного, тем не менее, содержащаяся в них информация необычайно интересна, поскольку она раскрывает неизвестную современной науке сторону деятельности московского Пушечного двора в XVII в. Самые ранние из этих документов датируются 1620-ми гг. Их особенностью является то, что речь о вестовых колоколах в них идет как о вполне сложившемся и ставшем к тому времени уже обычным явлении. Три из них, *памяти* на выдачу государева жалованья колокольным мастерам за выполненную работу, были опубликованы И. Е. Забелиным в «Дополнениях к "дворцовым разрядам"»⁴³. Остальные сохранились не в оригинале, а в выписках И. Х. Гамеля, переплетенные вместе с другими в книгу, хранящуюся в Санкт-Петербургском филиале Института Российской истории РАН⁴⁴.

Из них следует, что работы по отливке вестовых колоколов на московском Пушечном дворе в 1620-е гг. шли очень интенсивно. Новый этап производства колоколов, приостановленный в годы Смуты, был обусловлен возобновлением в стране единой государственности, наступившей с избранием в 1613 г. на российский престол Михаила Федоровича Романова, и совпал с длительным периодом восстановления российского государства после страшных потрясений и разорений Смутного времени. Только в выявленных на сегодняшний день документах 20-х гг. XVII в. зафиксировано литье вестовых колоколов для 27 российских городов. Причем география этих населенных пунктов напрямую связана с мероприятиями по усилению обороноспособности страны, проводимыми правительством в рамках ликвидации тяжелейших последствий иностранной интервенции и гражданской войны. Так, в первой половине 1620-х гг. налицо западное и юго-западное направление. Именно оттуда всего несколько лет назад пришли войска польского королевича Владислава и запорожского гетмана Сагайдачного, попытавшиеся

захватить Москву. Поэтому неслучайно, что спустя всего два года после Деулинского перемирия 1618 г. на московском Пушечном дворе отливаются вестовые колокола для Вязьмы⁴⁵, стоящей на Смоленской дороге, и Мещевска⁴⁶ - на Черниговском направлении. Документы этого времени упоминают еще 16 городов, для которых тоже были отлиты вестовые колокола⁴⁷. Однако несмотря на то, что названия их нам неизвестны, с большой долей вероятности можно предположить, что большинство этих городов также находилось на западном и юго-западном направлении от Москвы.

С конца 1620-х гг. правящие круги начинают проводить энергичные меры по защите южных границ российского государства от нападений отрядов крымских и ногайских ханов. Захватчики разоряли, сжигали города и селения, угоняли скот, увозили имущество. Страна периодически несла колоссальный урон. Чтобы снять эту угрозу, власти принимают энергичные меры к укреплению находившейся к югу от реки Оки Тульской засечной черты, строят новые города. Мастера московского Пушечного двора продолжают выполнять государственные заказы на изготовление вестовых колоколов, теперь уже для городов-крепостей, входивших в пограничный военно-административный округ под названием Украинный разряд. Так, в 1627 г. отливаются вестовые колокола на Лебедянь⁴⁸, в Ливны⁴⁹, Валуйки⁵⁰, в 1629 г. - в Рыльск⁵¹ и Оскол⁵². В 1628 г. переливается вестовой колокол в Мещевск⁵³. Практика переливки старых, по какой-либо причине вышедших из строя, колоколов традиционно существовала на Пушечном дворе с момента его основания. Если не было возможности перелить поврежденный колокол на месте, его привозили в Москву, где дяки Пушкарского приказа фиксировали этот факт документально, после чего изготавливался точно такого же веса новый колокол. Кроме украинских городов, в 1628-29 гг. были отлиты вестовые колокола и на более дальние форпосты: в Казань, Саратов и на Терек⁵⁴. «Сметный список служилых людей пушкарского чина, подчиненных Пушкарскому приказу», датируемый 1629 г., перечисляет 83 города⁵⁵. В этой связи уместным будет предположение, что все эти города были оснащены вестовыми колоколами.

Литейщиками, изготавливавшими вестовые колокола, были колокольные мастера московского Пушечного двора, работавшие вместе со своими учениками. Так, колокол в Мещевск в 1621 г. вылил Алексей Екимов с учениками Михаилом Ивановым, Кириллом Кононовым, Фомой Фоминым и Степаном Патрикеевым. Некогда Алексей Екимов находился в обучении у прославленного мастера Андрея Чохова, а в 1618 г. он числился уже пушечным и колокольным литцом. Позже он стал выполнять заказы на отливку артиллерийских орудий, поэтому, видимо, переливку мещевского колокола в 1628 г. осуществлял уже другой мастер - Кирилл Самойлов. Кирилл Самойлов также вышел из школы Андрея Чохова, но, став самостоятельным мастером в 1617 или 1618 г., на

протяжении всей своей деятельности, вплоть до смерти в начале 1650-х гг., специализировался исключительно на колоколах. В сохранившихся документах 20-х гг. XVII в. среди других упоминаются 14 отлитых им вестовых колоколов⁵⁶.

Еще одним литейщиком, с чьим именем связываются вестовые колокола 1620-1630-х гг., является Игнатий Максимов сын Шпилин. Начало его трудовой деятельности, по причине отсутствия об этом каких-либо сведений, проследить не удастся. Известно только, что в начале 1620-х гг. он числился пушечным и колокольным литцом и работал совместно с Андреем Чоховым⁵⁷. Документы сохранили упоминание о семи вестовых колоколах, отлитых Игнатием Максимовым⁵⁸. Таким образом, не вызывает сомнений, что изготовление вестовых колоколов на московском Пушечном дворе в 20-х гг. XVII в. доверялось лишь опытным мастерам.

С продвижением российской границы все дальше на юг значение Тульского, или Украинного, разряда постепенно падало. Со временем средоточием южной обороны стала Белгородская засечная черта с центром в Белгороде, которому подчинялось несколько десятков городов и уездов⁵⁹. Здесь по указу царя Михаила Федоровича было основано до трех десятков новых городов. В том числе построен Тамбов, куда в феврале 1636 г. был послан артиллерийский наряд, состоявший из 29 пищалей, одна из которых вестовая «мало-болши полу-торная», и вестовой колокол весом 15 пудов⁶⁰.

В 1646 г., по неполным данным «Описной книги пушек и пищалей, учиненной в царствование Михаила Федоровича», Пушкарский приказ контролировал артиллерию около 100 крепостей⁶¹. Позже правительство организовало Севский разряд для защиты юго-западного по-граничья от Крыма и Речи Посполитой. Охрана западной границы лежала на Смоленском разряде (организован после взятия Смоленска в 1654 г.), а северо-западной границы - на Новгородском (упоминается в источниках с 1656 г.)⁶².

Таким образом, выполнение государственной программы по повышению обороноспособности страны, в рамках которой осуществлялось оснащение городов-крепостей вестовыми колоколами, в 1630-1650-х гг. продолжалось. Причем производилось это под неукоснительным надзором руководителей Пушкарского приказа, ответственных за его выполнение. Осенью 1635 г. глава приказа, окольный князь Андрей Федорович Литвинов-Мосальский, интересовался, почему до сих пор не отправлены в города вестовые колокола, которые велено было послать еще в прошлом году⁶³.

Документ этот косвенно свидетельствует, что отливка вестовых колоколов, как и прежде, производилась не только по одному, как, например, в 1636 г. для Тамбова и Белева⁶⁴ или в 1640-41 гг. для Дедилова⁶⁵, но порой целыми партиями. Подтверждение находим в выписках И. Х. Гамеля из неупомянутой им книги Пушкарского приказа

1647 г., где говорится об отливке мастером Иваном Фальком одновременно пяти вестовых колоколов в разные города⁶⁶, и в *памяти* от 9 ноября 1650 г. о необходимом количестве меди и олова для отливки мастером Данилой Матвеевым шести вестовых колоколов в разные города «в запас»⁶⁷. Период деятельности московского Пушечного двора, охватывающий 1630-1654 гг.⁶⁸, охарактеризованный автором публикации в монографии «Московские колокола. XVII век» как время накопления опыта, улучшения организации работ, повышения мастерства исполнителей, особенно в качестве отделки продукции, закономерно привел к повышению производительности труда. Благодаря этому стало возможным отливать колокола впрок, что неоднократно делалось в 1650-1660-е гг. Такая практика была очень удобной, поскольку колокола довольно часто плавилась в пламени пожаров либо разбивались при неловком ударе или падении. Тогда поврежденный колокол привозили на Пушечный двор для переливки на новый⁶⁹, и на эту работу уходило обычно как минимум несколько месяцев. Запас определенного количества колоколов на складах Пушечного двора, на какое-то время обеспечивавший их резерв, намного упрощал задачу. Кроме того, бывали случаи, обычно это касалось вестовых колоколов, когда нужда в них возникала одновременно у нескольких городов. Так, например, в 1650-51 гг. в Москву были привезены разбитые вестовые колокола из Мурома, Новосила, Волока Ламского, Верхнего Ломова и Нового Царева Алексея города, а вместо них отправлены новые. Разбитые же колокола велелось «перелить в запас вместо тех колокол, что отпущены с Пушечного двора»⁷⁰.

Пример же обратной ситуации, когда летом 1657 г. потребовалось много вестовых колоколов для украинских городов, а на Пушечном дворе необходимого количества не оказалось, содержится в двух публикуемых текстах (док-ты № 1 и 2). Это сставы Пушкарского приказа, датируемые 1557 г.: *подписная указная запись* боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, дьякам Андрею Галкину и Тимофею Бессонову о посылке в Разряд вестового колокола для отправки его в новый город Колонтаев и *указная память* головам Федору Яковлевичу Парфеньеву и Михаилу Ивановичу Трофимову об отливке на Пушечном дворе мастерами Иваном Ивановым и Петром Степановым 19-ти вестовых колоколов⁷¹.

Содержание текстов дает возможность реконструировать события следующим образом. 30 июня 1557 г. в Пушкарский приказ поступил указ царя Алексея Михайловича об отправке в новый город Колонтаев вестового колокола, весом 12 пудов. На следующий день дьяк Григорий Богданов запросил данные о весе всех колоколов, имеющихся на складе, а в случае отсутствия таковых велел незамедлительно готовить «колокола к литью». В результате проведенной проверки в наличии оказались всего два вестовых колокола весом «по 26 пуд с полупудом», хотя еще в январе и затем в мае этого года колокольным мастерам Ивану Иванову и Петру Степанову было велено завести *образцы*¹² и отлить по ним 19 вестовых

колоколов. Однако по неизвестной нам причине этого сделано не было. Скорее всего, мастера были заняты другой работой, возможно, помогали в литье артиллерийских орудий. Ведь это было время, когда четвертый год шла война с Речью Посполитой, и естественно, что Пушечный двор в первую очередь выполнял военные заказы.

Тем не менее, надобность русских приграничных городов в вестовых колоколах также отвечала нуждам военного времени, поэтому их отливке придавалось большое значение. Выявив, что в украинные города «послать нечего», голове Пушечного двора Михаилу Ивановичу Трофимову было поручено «те вестовые колокольные образцы велеть изготовить против прежних памятей и колокола слить тотчас не за-мотчав». Одновременное производство большой партии вестовых колоколов должно было удовлетворить потребности в них украинских городов. Вопрос о том, осталось ли из них сколько-нибудь на Пушечном дворе в запас, остается открытым.

Издаваемые документы, а также целый ряд других сохранившихся письменных источников подтверждают, что в XVII в. существовал определенный стандарт на вестовые колокола, который регламентировал их оптимальный вес и размер. В этом случае раз заведенный шаблон мастера могли использовать многократно. Оправдавшие себя на практике параметры вестовых колоколов тщательно фиксировались в подробных описях, и мастера получали задание «изготовить против прежних памятей...» (док. № 2).

Размер вестовых колоколов на фоне остальных, отливаемых на московском Пушечном дворе в течение XVII в., был не малый. Как правило, их вес колебался в промежутке от 10 до 35 пудов и, по всей видимости, зависел от величины города, для которого предназначался колокол. Для сравнения скажем, что вес благовестного колокола, отлитого в 1666 г. мастером Харитоном Ивановым для московской церкви Иоанна Милостивого на Арбате, составлял 35 пудов 20 гривенки и был ненамного больше его предшественника, который весил 34 пуда 5 гривенки⁷³. В качестве еще одного примера назовем набатный колокол, находившийся на кремлевских Ризположенских воротах с 1577 г., весивший 37 с половиной пудов⁷⁴. Таким образом, вестовые колокола по своему размеру ничем не отличались от колоколов, выполнявших другие функции. Поэтому зачастую вестовые колокола, заготавливаемые впрок, служили неким фондом, из которого по мере необходимости брались экземпляры для пополнения колокольных наборов православных храмов. Издаваемый текст *подписной памяти* головам Пушечного двора Андрею Васильевичу Александрову и Михаилу Ивановичу Трофимову (док. № 10), датированной октябрем-ноябрем 1666 г., подтверждает эту практику. Кроме того, он косвенно свидетельствует, что вестовые колокола не только размером, но также и внешним видом ничем не отличались от остальных колоколов, производившихся на московском Пушечном дворе. В документе

говорится об отпуске для соборной церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Александровой слободе «вместо старых роз-битых дву колоколов из вестовых колоколов два колокола: колокол весом девять пуд с четью, колокол весом восемь пуд».

Похожие случаи описываются в целом ряде дошедших до нас источников. Так, в документе, датированном 1 ноября 1650 г., хранящемся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН⁷⁵, содержатся любопытные сведения о двух вестовых колоколах, отлитых мастером Данилой Матвеевым «в запас». Один из них весил 12 пудов, другой - 8 пудов 34 гривенки. Оба колокола так и остались в Москве, поскольку были «отпущены в Кремль город к церкви Козьмы и Демьяна, что за Чудовым монастырем».

Следовательно, у нас есть все основания полагать, что вестовые колокола, как и большинство других, украшались растительным декором и надписями. Действительно, в публикуемой *сказке* мастера Григория Екимова о необходимых ему материалах для литья шести колоколов упоминаются 15 гривенки воска «на травы и на слова» (док. № 5).

Проследим, каким образом на московском Пушечном дворе производились работы по отливке вестовых колоколов. Такую возможность нам дают тексты семи издаваемых сставов Пушкарского приказа, датированных 1666-1667 гг.⁷⁶ Это две *подписные памяти* головам Алексею Аврамовичу Мещеринову и Михаилу Ивановичу Трофимову об изготовлении на Пушечном дворе образцов вестовых колоколов с указанием веса каждого (док-ты № 3 и 4); две *сказки* колокольных мастеров Григория Екимова и Федора Дмитриева с росписями необходимого материала (док-ты № 5 и 6), отрывок черновой *записи* о количестве меди и олова, выданных колокольному мастеру Федору Дмитриеву для отливки шести колоколов (док. № 7); *роспись* Федора Дмитриева о количестве меди и олова на отливку этих колоколов, поставленных в литейную яму (док. № 8), и *подписная память* головам Андрею Васильевичу Александрову и Михаилу Ивановичу Трофимову об отливке на Пушечном дворе шести вестовых колоколов мастером Федором Дмитриевым (док. № 9).

<сты четырех сставов (док-ты с № 3 по 6) повествуют об этапах изготовления крупной партии вестовых колоколов летом-осенью 1666 г. 26 июля из Пушкарского приказа за подписью дьяка Ивана Горохова была отправлена память головам Алексею Аврамовичу Мещеринову и Михаилу Ивановичу Трофимову об изготовлении на Пушечном дворе пяти колокольных образцов (док. № 3). Мастерам, без указания конкретных имен, велелось завести два образца по 30 и три - по 25 пудов. Причем с отливкой поторопиться, для чего литейщикам не мешкая подать собственноручные *росписи* о необходимых материалах главе Пушкарского приказа Юрию Ивановичу Ромодановскому и дьякам Ивану Горохову и Ивану Амиреву. Однако спустя всего месяц, по неизвестной нам причине, возникла потребность в большем, чем прежде, количестве вестовых

колоколов, и 20 августа 1666 г. из Пушкарского приказа поступил заказ на отливку уже не пяти, а целых пятнадцати колоколов (док. № 4). На этот раз в документе названы имена конкретных литейщиков, которым поручалась эта работа. В связи с большим объемом работ задание было разделено между двумя колокольными мастерами Пушечного двора - Федором Дмитриевым и Григорием Екимовым. Первый должен был изготовить и отлить девять вестовых колоколов (один весом 35, два - по 30, один - 25, два - по 22, два - по 20 и один - 18 пудов), второй - шесть (весом 35, 30, 25, 22, 20 и 18 пудов).

О колокольном мастере московского Пушечного двора Григории Екимове известно крайне мало. Данные о нем сохранились лишь в двух публикуемых документах Пушкарского приказа, датированных августом и сентябрем 1666 г. (док-ты № 4 и 5). Из них следует, что Григорий Екимов в это время числился колокольным мастером и, возможно, имел ученика. Следовательно, его трудовая деятельность началась не позднее второй половины 1550-х гг. Не исключено, что он был среди тех молодых людей, которые поступили учениками на московский Пушечный двор после эпидемии чумы 1554 г. Несмотря на приобретенный с годами профессиональный опыт, Григорий Екимов был неграмотен, поскольку *сказку* о необходимом количестве материалов «писал по иво, Григорьеву, велению колокольного дела ученик Данилко Федоров», а подпись под ней поставил «московской пушкарь Терешка Иванов вместо колокольного мастера Григорья Екимова по ево велению» (док. № 5).

Данных о Федоре Дмитриеве, работавшем на московском Пушечном дворе более 30 лет, сохранилось гораздо больше. Начало его трудовой деятельности относится к середине 1650-х гг., когда он состоял в учениках у знаменитого литейщика Александра Григорьева⁷⁷. С 1656 г. Федор Дмитриев сам уже стал «колокольного дела мастер»⁷⁸, а спустя три года у него в обучении находилось четыре ученика. Будучи

специалистом высокого класса, он часто выполнял ответственные заказы, как, например, отливка весной 1667 г. колокола весом 154 пуда к Покровскому собору на Рву⁷⁹ или литье 150-пудового набатного колокола для кремлевских Спасских ворот⁸⁰. Помимо Москвы Федор Дмитриев неоднократно лил колокола и для других городов.

Серийные отливки вестовых колоколов обычно производились мастерами Пушечного двора сразу по несколько штук в одной литейной яме. Так, в ноябре 1666 г. «...колокольный мастер Харитон (Иванов. - А. Б.) ...вылил шесть колокол, а лил те колокола из одной печи, а образцы были в одной яме...; всего в вестовых колоколах весу 173 пуда 25 гривенок»⁸¹. Отливка колоколов целыми партиями свидетельствует о большом опыте и высоком профессионализме мастера. Ведь для успешного осуществления литейного процесса требовалось не только очень точно рассчитать количество нужного металла с учетом отходов на угар, но также и многих других

материалов. Получив заказ, мастер, прежде всего, должен был составить *сказку*, или *ропись*, с подробным перечислением всего необходимого, и передать ее в Пушкарский приказ: «А сколько на те колокольные образцы надобно каких запасов и тому за мастерскими руками росписи подать в Пушкарском приказе боярину князю Юрию Ивановичю Ромодановскому да дьяком Ивану Горохову, да Ивану Амиреву» (док. № 3). Обязательным требованием к каждой такой *рописи* была собственноручная подпись мастера. Если мастер был неграмотен, вместо него расписывался кто-нибудь другой, выбранный им из служилых людей Пушкарского приказа.

Два публикуемых сстава (док-ты № 5 и 6) являются хорошо сохранившимися классическими примерами *сказок* колокольных мастеров московского Пушечного двора. На обороте документа № 6 содержится автограф Федора Дмитриева: «К сей сказке Фетка руку приложил». Под *рописью* необходимым материалам для литья шести вестовых колоколов Григорием Екимовым (док. № 5) стоит подпись московского пушкаря Терентия Иванова.

Интересно отметить, что обе сказки за мастеров писал колокольного дела ученик Данила Федоров. Возможно, такая практика была обычной составляющей процесса обучения ремеслу, когда собственноручное записывание под диктовку мастера позволяло ученику лучше запомнить весь перечень и количество необходимых для литья материалов. К сожалению, у кого из двух мастеров находился в обучении Данила Федоров, из публикуемых сставов неясно. И. Н. Рубцов, указывая в качестве источника информации документы Пушкарского приказа, хранящиеся в архиве Артиллерийского исторического музея (ныне ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1), называет его учеником Федора Дмитриева⁸². Однако в результате просмотра всех документов этого фонда автором публикации было выявлено, что имя Данилы Федорова встречается в них только три раза. Два раза в публикуемых сставах (док-ты № 5 и 6), третий - в датируемой 17 июня 1671 г. челобитной вдовы колокольного дела ученика Данилы Федорова, Акулины⁸³. Однако имя мастера, у которого Данила Федоров находился в обучении, в ней также не называется. Таким образом, этот вопрос пока остается открытым.

Несомненный интерес представляют тексты документов № 7, 8 и 9, рассказывающие об отливке весной 1667 г. мастером Федором Дмитриевым партии из шести колоколов. Несмотря на то, что ни в одном из трех сставов мы не находим слово «вестовые», означенный в текстах вес колоколов однозначно говорит об их принадлежности именно к этой определенной группе. Хотя в документе № 8 не указан год его составления, оснований не согласиться с датировкой, предложенной А. П. Лебедянской, как 1667 г., у нас нет. Более того, анализ содержания этих сставов позволяет считать, что все они были написаны в один день - 4 марта. В таком случае мы располагаем уникальным примером, свидетельствующим о высоком уровне организации работ на московском

Пушечном дворе, благодаря чему возникавшие проблемы решались четко и быстро.

Остановимся на изложенной в этих документах ситуации, имевшей место на московском Пушечном дворе весной 1667 г., суть которой заключалась в следующем. Для литья шести колоколов, общим весом 203 пуда, согласно росписи мастера Федора Дмитриева было отпущено 210 пудов меди и 1 пуд олова (док. № 7). Судя по пропорции количества этих металлов, отливка должна была производиться из колокольной бронзы, а именно по какой-либо причине вышедших из употребления колоколов. Практика, когда разбитые или поврежденные в огне пожара колокола каждый раз вновь шли на переплавку, существовала издревле. Это было обусловлено дороговизной используемых для производства колоколов металлов. По этой причине медь и олово как две составляющие колокольной бронзы всегда подвергались строгому учету, и мастера в своих *сказках* должны были указывать их точное количество. В нашем случае уже после того как колокольные образцы были поставлены в литейную яму, Федор Дмитриев скорректировал свои расчеты и дополнительно запросил еще два пуда олова: «и к тому литью надобно колокольной меди на те образцы и на прибыль и на угар двести десять пуд; да на туж колоколную медь в прибавку олово три пуда» (док. № 8). В тот же день головам Пушечного двора Андрею Васильевичу Александрову и Михаилу Ивановичу Трофимову из Пушкарского приказа была направлена память за подписью дьяка Ивана Амирева (док. № 9). Из ее содержания следует, что перерасчет количества олова, необходимого для литья шести колоколов, произведенный Федором Дмитриевым, был безоговорочно принят. Однако мастеру было велено «у литья быть самому безотступно, чтоб меди на сторону и утери не было». Кроме того, после литья письменно отчитаться, «сколко в котором колоколе по весу меди пуд будет, и что в угари и в остатке жолобныя меди, и во что которой колокол со всем заводом ценою станет», подав об этом в Пушкарский приказ собственноручную роспись. Как видим, опыту высокопрофессиональных мастеров Пушечного двора доверяли, хотя за расходом дорогостоящих материалов, впрочем, как и за выполнением всех этапов производимых работ, соблюдался строжайший контроль.

Издаваемые десять документов в совокупности с целым рядом других сохранившихся рукописных памятников, относящихся к деятельности московского Пушечного двора в 50-60-х гг. XVII в., являются неоспоримым доказательством того, что производство колоколов в означенные десятилетия на главном литейном предприятии страны не только не прекращалось, но было поставлено на поток. Более того, этот процесс шел весьма интенсивно, что отвечало задачам проводимой правительством политики по повышению обороноспособности Российского государства. Важность выполняемого заказа также подтверждается тем фактом, что в отливке колоколов целыми партиями были задействованы практически все мастера Пушечного двора, не только специализирующиеся на литье

колоколов, но также и те, главной обязанностью которых было изготовление артиллерийских орудий.

Тексты публикуемых ниже (после примечаний) сставов Пушкарского приказа 1650-1660-х гг. подготовлены к печати согласно общепринятым правилам для исторических публикаций документов XVI-XVII вв. Вышедшие из употребления буквы кириллического алфавита заменяются современными, выносные буквы вносятся в строку без оговорок, титлы раскрываются. Буква «ъ» в конце слов опускается. Концы строк не отмечаются. Тексты приводятся с современной пунктуацией. Буквенные обозначения цифр и чисел переводятся в арабские. Датировка документов в заголовках дана по новому летосчислению с переводом дат с летосчисления от Сотворения мира на современное с сохранением юлианского стиля. Палеографические и хронологические примечания помещаются после текста каждого документа. Курсивом выделен текст, принадлежащий публикатору.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в ознакомлении с документами Л. К. Маковской и И. А. Вознесенской.

- ¹ ПСРЛ. Т. XX. СПб., 1910. С. 429.
- ² Там же. С. 471.
- ³ Штаден Генрих (родился в 1542 г.), немец из семьи вестфальских бюргеров, в Росии был с 1565 по 1576 год, толмач, позднее опричник, затем торговый агент в Поморье. Г. Штадену принадлежат записки «Страна и правление московитов в описании Генриха Штадена».
- ⁴ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 105.
- ⁵ Русская историческая библиотека. СПб., 1876. Т. XVIII. С. 931.
- ⁶ Петрей де Ерлезунда Петр (1570-1622), шведский дворянин, дипломат, военный коμισар при экспедиционном корпусе короля Швеции Карла XI; принимал участие в разборе дела появившегося в 1611 г. в Иван-городе авантюриста под именем Димитрия (Лже-димитрия III). П. Петрею принадлежит «История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедимитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах».
- ⁷ *Тантр Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891 (Далее: *Таннер Б.*). С. 147.
- ⁸ Олеарий Адам (1599-1671) - придворный советник, математик и антикварий Шлезвиг-Гольштинского герцога Фридерика и его преемника Хорста-Альбрехта. Посетил Москву в 1633-1634 и в 1635-1636 гг.
- ⁹ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг. М*, 1870. С. 154.
- ¹⁰ Стрюйс Йене Йенсон (Ян Янсен Стрейс), (ум. 1694), голландский путешественник, парусный мастер на первом русском корабле «Орел» в 1669 г., конюх и пушкарь в свите посольства Конрада ван Кленка в 1675 г. Й. Стрюйсу принадлежат записки «Путешествие по России голландца Стрюйса в 1668 г.».
- ¹¹ *Таннер Б.* С. 164.
- ¹² Конрад ван Кленк голландский посол в России в 1675 г. См.: *Ловягин А. М.* Посольство Конрада ван Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб, 1900.
- ¹³ *Таннер Б.* С. 174.
- ¹⁴ Таннер Бернгард Леопольд Франциск, чешский путешественник, был в Москве вместе с польским посольством Черторыйского и Сапеги с 1678 по 1682 г. Б. Таннер оставил воспоминания «Посольство польско-литовское в Московию в 1678 году».
- ¹⁵ *Таннер Б.* С. 47.
- ¹⁶ Сыгин Петр Васильевич (24.11.1885 - 28.10.1968) - историк, краевед, музейный деятель.
- ¹⁷ *Лебедевская А. П.* Пушкарский приказ. Опыт изучения организации артиллерийского ведомства, управления и производства в XVII столетии. Дисс. канд. ист. наук. Л, 1949-1950 (Далее: *Лебедевская А. П.*, 1949-1950). С. 130.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ПСРЛ. СПб., 1893. Т. XIV. С. 153.
- ²⁰ Летописец 1619-91 гг. // ПСРЛ. Т. III. М, 1968. С. 180.
- ²¹ *Лебедевская А. П.*, 1949-1950. С. 61.
- ²² Там же. С. 59.
- ²³ Там же. С. 7.
- ²⁴ См.: Акты, собранные в архивах и библиотеках Археографической экспедицией. Т. I-IV. СПб., 1836.
- ²⁵ *Гомель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII ст. // Записки Академии Наук. 1865. Кн. 8.
- ²⁶ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 6. Оп. 1/1. Д. 192. Л. 2.
- ²⁷ Там же. Л. 1.
- ²⁸ Там же. Д. 1560. Л. 252.
- ²⁹ *Струков Д. П.* Архив Русской артиллерии. Т. 1 (1700-1718 гг.) / Под ред.
- Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1889. С. 1.
- ³⁰ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 22. Оп. 92. Д. 42. Л. 1.
- ³¹ *Лебедевская А. П.* Артиллерийское документальное наследие в историческом архиве Артиллерийского исторического музея // Сб. докладов военно-исторической секции. №1. Л., 1957. С. 96.
- ³² Описание актов собрания графа А. С. Уварова // Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. М., 1905.
- ³³ *Бондаренко А. Ф.* Развитие колокольного дела в России в XVII веке. Дисс. канд. ист. наук. М., 1997.
- ³⁴ *Бондаренко А. Ф.* Колокола Москвы. XVII век. М., 1998.
- ³⁵ *Кондрашина В. А.* Московская школа колокольного литья в русской культуре второй половины XVII в. Дисс. канд. культурологии. М., 2000. С. 53.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 798. Л. 1309.1742 г. Дело о возвращении Волоколамской соборной церкви колокола.
- ³⁷ Управление огромной страной с ее более чем 250 уездами, а в восточных районах их размеры были очень велики, представляло большие трудности. Этим было вызвано формирование более крупных территориально-административных единиц, так называемых разрядов. Разряды-округа сыграли существенную роль в организации пограничной обороны, в улучшении административного управления на местах.
- ³⁸ *Забелин И. Е.* Дополнения к «Дворцовым разрядам» // ЧОИДР. Т. 1. М., 1882 (далее: *Забелин И. Е.*). С. 256. № 743.
- ³⁹ СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. С. 684,686; Оп. 2. Д. 65,66; Оп. 1. Д. 235; ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 483 и др.
- ⁴⁰ План Кремля и Красной площади в начале 1600-х гг. из 11-томного издания И. Блавиана (*Blaeu I.* Le Grand atlas ou cosmographie Blaviane. Т. 2. Amsterdam, 1663). «Кремленоград» является уточненным фрагментом плана Москвы, известного под названием «Петров чертеж» (впервые опубликован в России в 1837 г. музеем Кунсткамеры в каталоге бумаг, хранившихся в «Кабинете Петра Великого»), Оба плана - Москвы и Кремля - составлены русскими картографами на рубеже XVI-XVII вв. В 1613 г. они были изданы в Амстердаме Х. Герритсом в виде отдельных листов. Гравюра очень точно передает облик Кремля и Красной площади к началу XVII в.
- ⁴¹ *Оловянишников Я. И.* История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912. С. 114.
- ⁴² Указ царя Алексея Михайловича о пожарных набатах в Москве 1668 г. // ЧОИДР. Кн. 1. М., 1899. С. 14-15.
- ⁴³ *Забелин И. Е.* С. 256. № 743; С. 284. № 916; С. 393. № 921.
- ⁴⁴ СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27.
- ⁴⁵ *Забелин И. Е.* С. 256. № 743.
- ⁴⁶ *Забелин И. Е.* С. 256. № 743. С. 284. № 916.
- ⁴⁷ *Забелин И. Е.* С. 256. № 743; С. 393. № 921.
- ⁴⁸ СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. С. 383.
- ⁴⁹ Там же. С. 386.
- ⁵⁰ Там же. С. 391.
- ⁵¹ Там же. С. 135-140.
- ⁵² Там же. С. 137-140.
- ⁵³ Там же. С. 85-99.
- ⁵⁴ Там же. С. 83-99.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Ст. Московского стола. № 49. Л. 79-90. Сметный список служилых людей пушкарского чина, подчиненных Пушкарскому приказу. Перечисляются 4573 человека по городам Московского государства.
- ⁵⁶ *Забелин И. Е.* С. 256. № 743; С. 393. № 921; СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 85-99,135-140.
- ⁵⁷ В Московском Кремле на колокольне Иван Великий сохранился колокол, носящий название «Глухой», весом 100 пудов, отлитый Игнатием Максимовым и Андре

ем Чеховым в 1621 г. Еще один колокол, ныне висящий в верхнем ярусе колокольни, И. Д. Костина справедливо считает также работой этих мастеров. Она полагает, что «не вызывает сомнения, что это тоже работа Андрея Чохова и Игнатия Максимова Шпилина. Его форма аналогична форме вышеописанного колокола, а в документах указано, что он отлит в 1621 г. и весит 22 пуда. При взвешивании в 1994 г. выяснилось, что его вес 480 кг, т. е. чуть менее 30 пудов при высоте 88 см и диаметре 84 см» (См.: Костина И. Д. Колокола Андрея Чохова // Журнал «Мир музея». № 6, 2001).

⁵⁸ Забелин И. Е. С. 256. № 743; СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. С. 137-140, 318.

⁵⁹ Всего же Пушкарскому приказу по Сметному списку 1637 г. было подведомственно 64 города (Лобин А. Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII века. Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 57).

⁶⁰ Акты, собранные в архивах и библиотеках Археографической экспедицией. Т. III (1613-1645). СПб., 1836. № 261.

⁶¹ РНБ ОР. Ф. 550. F-IV-75. Л. 4 -127об.

⁶² История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. А. Н. Сахарова и А. П. Новосельцева. М., 1997. С. 505.

⁶³ СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. С. 394.

⁶⁴ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Сстав 1.

⁶⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 5а. Д. 687.

⁶⁶ СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. С. 385.

⁶⁷ Там же. Оп. 1. Д. 42.

⁶⁸ В 1654 г. в Москве свирепствовала эпидемия чумы, унесшая жизни всех ведущих литейщиков Пушечного двора, за исключением двух человек, Александра Григорьева и Федора Моторина, которых спасло то, что в это время они находились в Великом Новгороде, где отливали для Софийской звонницы колокол весом 1000 пудов.

⁶⁹ Кроме документов, об этом свидетельствуют также надписи, выгравированные на некоторых колоколах (См.: Мартынов А. А. Московские колокола // Русский архив. Избранные страницы. Новосибирск, 1994. Вып. I. С. 84 и др.).

⁷⁰ СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 2. Д. 160.

⁷¹ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 126. Сстав 1; Д. 135. Сстав 1.

⁷² Колокольным «образцом» в документах Пушкарского приказа XVII в. назывался глиняный болван (или фальшивый колокол).

⁷³ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 16р. Оп. 1. Д. 4.

⁷⁴ СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 2. Д. 66.

⁷⁵ Там же. Д. 75.

⁷⁶ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1. Оп. 1., Д. 266, Сставы 3 и б/н; Д. 211. Сставы 2,3,10,11 и б/н.

⁷⁷ СПбФИРИ РАН. Архив. Ф. 175. Оп. 1. Д. 205. Л. 6.

⁷⁸ Там же. Оп. 3. Кн. 27. С. 542.

⁷⁹ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 211. Сстав 16.

⁸⁰ ГИМ ОР. Увар. собр. № 337. Книга Пушкарского приказа 1680 г. Л. 89.

⁸¹ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 16р. Оп. 1. Д. 4.

⁸² Рубцов Я. Я. история литейного производства в СССР. Ч. 1. Изд. 2-е. М., 1962. С. 253.

⁸³ ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Сстав 1.

ССТАВЫ ПУШКАРСКОГО ПРИКАЗА 1650-1660-х гг.

№1

1657 г. июня 30. - Указная запись (подписная) боярину князю Юрию Алексеичу Долгорукову, дьякам Андрею Галкину и Тимофею Бессонову о посылке в Разряд вестового колокола для отправки его в новый город Колонтаев.

(Сстав 1). Лета 7165 года июня в 30 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу боярину князю Юрию Алексеичу Долгорукову да дьякам Ондрию Галкину да Тимофею Безонову. Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец указал ис Пушкарского приказа прислать в Розряд колокол вестовой в двенадцать пуд, а из Разряда по государеву указу велено тот колокол отпустить в новой город Колонтаев и незвскоре и по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу боярину князю Юрию Алексеичу Долгорукову и дьяком Ондрию и Тимофею о присылке колокола в Розряд учинить по государеву указу. Дьяк Григорий Богданов.

Внизу приписка:

165 июля в 1 день выписать, сколько весят в пудах колокола готовые, а [не] будет готовых, и о том послать к головам Алмазу [Бе...] вестовые колокола к литью готовить незамотчав.

ВИМАИВиВС. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 126. Сстав 1. Подлинник.

№2

1657 г. июля 3. - Указная память головам Федору Яковлевичу Парфеньеву и Михаилу Ивановичу Трофимову об отливке на Пушечном дворе мастерами Иваном Ивановым и Петром Степановым вестовых колоколов. На обороте сстава заметка о запросе украинны-ми городами вестовых колоколов.

(Сстав 1). 165 года июля в 3 день. По государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя, и Белья России самодержца указу. Память головам Федору Яковлевичу Парфеньеву да Михаилу Ивановичу Трофимову. Генваря в 18 день да майя в 15 день посланы памяти на Пушечной двор. Велено колокольным мастерам Ивану Иванову да Петрушке Степанову¹ завести² к вестовым³ 19 колоколам образцы⁴. Два⁵ колокола по десять пуд, пять⁶ колоколов по пятнадцать пуд и болши, пять колоколов по пятнадцать пуд, семь⁷ колоколов по двенадцать пуд и вылить не замотчав. И Михаилу Трофимову те вестовые⁸ колокольные образцы велеть изготовить против прежних памятей⁹ и колокола слить тотчас не замотчав.

Внизу приписка.

Послана память з денщиком с коломенским з Дружиною Кириловым.

На обороте помета:

А на Пушечном дворе вестовых два колокола по 26 пуд с полупудом, а в украинные города вестовых колоколов спрашивают много и послать нечего.

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 135. Сстав 1. Подлинник.

Примечания:

¹ После отава «велено» ранее было: «колокольному ученику Петрушке Степанову», затем зачеркнуто и исправлено на: «колокольным мастерам Ивану Иванову да Петру («шке» - зачеркнуто) Степанову».

² После Слова «завести» было: «к образцам», затем зачеркнутое.

³ Было «к», затем зачеркнутое.

⁴ Слово «образцы» приписано выше.

⁵ Перед словом «два» были буквы «в» и «к», затем зачеркнутые.

⁶ Перед словом «пять» первоначально было «два колокола по две в двенадцать пуд», затем зачеркнуто.

⁷ Первоначально было «пять», затем исправленное на «семь».

⁸ Слово «вестовые» приписано сверху.

⁹ Слова «против прежних памятей» приписаны сверху.

№3

1666 г. июля 26. - Память (подписная) головам Алексею Аврамовичу Мещеринову и Михаилу Ивановичу Трофимову об изготовлении колокольными мастерами на Пушечном дворе пяти образцов для вестовых колоколов с указанием веса каждого.

(Сстав без номера). 174 году июля в 26 день. Память головам Алексею Аврамовичу Мещеринову и Михаилу Ивановичу Трофимову. Велеть им на Пушечном дворе завести колокольным мастерам¹ колокольных пять образцов, и в том числе: два образца по **тритцети** нуд, три образца по дватцети по пяти пуд, и изготовив образцы, велети колокола лити незамотчав. А сколько на те колокольные образцы надобно каких запасов, и тому за мастерскими руками росписи подать в Пушкарском приказе боярину князю Юрию Ивановичу Ромодановскому да дьяком Ивану Горохову да Ивану Амиреву. Дьяк Иван².

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 266. Сстав без номера. Подлинник.

Примечания:

¹ Сверху приписано: «вестовых».

² Фамилия дьяка не указана.

№4 1666 г. августа 20. - Память (подписная) головам Алексею Аврамовичу Мещеринову и Михаилу Ивановичу Трофимову об отливке на Пушечном дворе колокольным мастером Федором Дмитриевым девяти, а колокольным мастером Григорием Екимовым шести вестовых колоколов.

(Сстав 10). 174 году августа в 20 день память головам Алексею Аврамовичу Мещеринову да Михаилу Ивановичу Трофимову. Велеть им колокольному мастеру Федке Дмитриеву на Пушечном дворе вылить вестовых девять колокол, и в том числе колокол в 35 пуд, 2 колокола по тритцати¹, колокол в 25 пуд, два колокола по двадцати по два пуда, два колокола по 20-ти пуд, колокол в восемнадцать пуд. Да колокольному мастеру Гришке Екимову вылить шесть колокол и в том числе колокол в трицать пять пуд, колокол в тритцать² пуд, колокол в 25 пуд, колокол в 22 пуда, колокол в 20 пуд, колокол в восемнадцать пуд. И велеть тех мастеров образцы к литью готовить наскоро и колокола лити на замотчав, а сколько на те колокольные образцы надобно каких запасов и которые запасы

по мастерским скаскам в казне нет, и сколько за те запасы поденежию записать всему за своими и выборных пушкарей и целовальников за руками и росписи подать в Пушкарском приказе боярину князю Юрию Ивановичу Ромодановскому да дьяком Ивану Горохову да Ивану Амиреву. Дьяк Иван Амирев.

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 211. Сстав 10. Подлинник.

Примечания:

¹ Сверху приписано: «пуд».

² Сверху приписано: «в два».

№5

1666 г. сентября 3. - Сказка колокольного мастера Григория Екимова о материалах, необходимых ему для изготовления на Пушечном дворе шести колокольных образцов.

(Сстав 11). 175 году сентября в 3 день. Сказка колокольного мастера Григория Якимова, что велено ему сделать шесть **колоколных** образцов на Пушечном дворе, и на те на колокольные образцы надобно всяких запасов и харчей: сырово кирпичю тысяча, да зженово малово кирпичу двести, да корови шерсти пол¹ пуда, да сусла доброво густо-во дватцать ведр, да воску на травы и на слова пятнатцать гривенок, да пять гривенок вару красново, да проволочного железа тритцать гривенок, да железа тульского три пуда на всякой розход, да золу мях-кой лукошко, да ветчины к литью серетка, да сала говяжья топленово полтора пуда, да ветчинного сала каравайново полтора пуда, да два сита частые, да два редкие, два ушата, четыре ведра, десять шаек, два корыта длиною по два аршина, десять ноче² воску, да заступных дерев пяток, десять лопат, две ступы с пестами, да к литью шестов пятнадцат, да лышных веревок сто длиною по десять сажен, да посконных возжей сто, да на колокольные доски липовых двенатцать длиною по сажени, да меди красной тонкой на оковку пять гривенок, да гвоздья скалового пятьсот, да однотесных сто, да двоетесных сто. Скаску писал по иво Григорьеву велению колокольного дела ученик Данилко Федоров.

На обороте:

К сей скаске московской пушкарь Терешка Иванов вместо колокольного мастера Григорья Екимова по ево велению руку приложил.

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 211. Сстав 11. Подлинник.

Примечания:

¹ Сверху написана буква «Д» - цифра четыре.

² Слово непонятно.

№6

1666 г. сентября 4. - Сказка колокольного мастера Федора Дмитриева о материалах, необходимых ему для изготовления девяти колокольных образцов.

(Сстав без номера). «175 году сентября в 4 день сказка колокольного

мастера Федора Дмитриева, что велено ему сделать на Пушечном дворе колокольных образцов девять разными образцами; и в том числе колокол тритцать пять пуд, два колокола по тритцать по два пуда, колокол дватцать пять пуд, два колокола по дватцать по два пуда, два колокола по дватцать пуд, колокол осмнадцать пуд. На те колокольные образцы надобно всяких харчей сырово кирпичю две тысячи, да жженово малово гончарского кирпича тысяча, тулсково железа пру-тового четыре пуда на всякие розходы, да проволочново железа полтора пуда, воску полпуда, да красново вару пять гривенок, да веревок лышных полтора ста длиною по десять сажень, да посконных возжей семдесят, да три сита частых, да два ретких, две ста¹, две ступы, четыре песта, три ужата, две кади липовых по четыре ведра, пять ведер, пять шаек, пять корцов, пять заступных дерев, десять лопат, коровей шерсти пуд, на пилы и на зубила укладу четыре связки, сула dobrovo густово тритцать ведр, да золы мелкой лукошко, свежих щетин две гривенки, да колке² медной в три ведра, два топора, да мешечек маленькой дуте, два корыта по полтора аршина, дров к литью и избу тописть хоромина, дв к литью дватцать шестов, да серетка ветчины на колокольные доски на припускные двенатцать досок липовых гладких шириною в пол аршина, длиною два аршина, на теж доски меди тонкой красной листовой пятнатцать гривенок, да скалаловых гвоздей малых двести, ту медь к доскам пришивать, да тесовых гвоздей сто одностесных.

Скаску писал по иво, Федорову, велению колокольного дела ученик Данилко Федоров.

На обороте помета:

К сей сказке Фетка руку приложил.

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 211. Сстав без номера. Подлинник.

Примечания:

¹ Слово непонятно.

² Слово непонятно.

№7

1667 г. марта 4. - Отрывок черновой записи о количестве меди и олова, выданных колокольному мастеру Федору Дмитриеву для отливки шести колоколов.

(Сстав 2). 175 марта в 4 день по памяти за приписью дьяка¹ Амירה-ва, а по росписи колокольного мастера Федка Дмитриева на 6 коло-колных образцов, образец в 35 пуд, два образца по 32 пуда, образец 25 пуд, 2 образца по 22 иуда дано ему в литье меди 210 пуд, олова пуд. Всего дано меди и олова 211 пуд.

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 211. Сстав 2. Подлинник.

Примечание:

¹ Сверху приписано «Ивана».

№8

[1667 г.]¹ - Роспись [Федора Дмитриева. - А. Б.] о необходимом количестве меди и олова для литья шести колоколов, поставленных в литейную яму.

(Сстав 3). Поставлено в яму шесть образцов колокольных к литью. Образец весом в тритцать пят пуд, два образца по тритцать по два пуда, образец дватцать пять пуд, два образца по дватцать по два пуда. И к тому литью надобно колокольной меди на те образцы и на прибыль и на угар двести десять пуд. Да на туж колокольную медь в прибавку олово три пуда.

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 266. Сстав 3. Подлинник.

Примечание:

¹ Дата в документе не стоит. А. П. Лебедевская условно датировала его 1667 г.

№9

1667 г. марта 4. - Память (подписная) головам Андрею Васильевичу Александрову и Михаилу Ивановичу Трофимову об отливке на Пушечном дворе шести колоколов колокольным мастером Федором Дмитриевым.

(Сстав 3). 175 марта в 4 день. Память головам Андрею Васильевичу Александрову да Михаилу Ивановичу Трофимову. В росписи колокольного мастера Федки Дмитриева, какову подал в Пушкарском приказе, написано: поставил он, Федка, в каменом анбаре в литейную яму к литью колокольных шесть образцов: образец в тритцать пять пуд, два образца по тритцать по два пуда, образец дватцать пять пуд, два образца по дватцать по два пуда; а по иво, Федкиной скаске в то коло-колное литье надобно меди двесте десять пуд, олова три пуда. И велеть колокола¹ лить без молчанья, и у литья быть самому безотступ-но², чтоб меди на сторону и утери не было, а на колокола из литья в виду и сколко в котором колоколе по весу меди пуд будет и что в уга-ри и в остстке жолобныя меди и во что которой колокол со всем заводом ценою станет роспись за своими руками подать в Пушкарском приказе боярину князю Юрью Ивановичу Рамодановскому да диа-кам Ивану Горохову да Ивану Амиреву. Диак Иван Амирев.

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 211. Сстав 3. Подлинник.

Примечания:

¹ Сверху приписано: «осмь».

² Сверху приписано: «<<и смотреть».

№10

1666 г. октября 10 - ноября 7. - Память (подписная) головам Андрею Васильевичу Александрову и Михаилу Ивановичу Трофимову об отпуске с протопопом Матвеем в соборную церковь Покрова Александровой слободы вместо двух разбитых колоколов двух новых из вестовых.

(Сстав 1). 175 октября в 10 день. Память головам Андрею Василье-

вичу Александрову да Михаилу Ивановичу Трофимову. Отпустить из Переславского уезду Залеского дворцовой Александровой слободы к соборной церкви Покрову Пресвятой Богородицы с протопопом Матвеем вместо старых розбитых дву колоколов из вестовых колоколов два колокола: колокол весом девять пуд с четью, колокол весом восемь пуд. Дьяк Иван Горохов.

Внизу приписка:

Записано в книгу 175 октября в 15 день по сей памяти 2 колокола весом колокол 9 пуд с четью, колокол 8 пуд.

На обороте расписка в получении:

Ноября в 7 день по сей памяти Александровой слободы соборные церкви Покрова Пречистыя Богородицы протапоп Матфей взял колокол и руку приложил, колокол весом девять пуд с четью, другой колокол весом восемь пуд.

ВИМАИВиВС. Архив. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 216. Сстав 1. Подлинник.